

The background of the cover is a painting of a man with long, wavy brown hair, wearing a light-colored turban and a matching shawl. He is looking off to the side with a serious expression. The background behind him is a hazy, golden-yellow landscape with silhouettes of domed buildings, suggesting a city at sunset or sunrise. The sky is a mix of warm orange and brown tones.

Александр Руж

Иризрак Заратустры

Детективные
истории

Александр Руж
Призрак Заратустры
Серия «Детективные
истории (Четыре Четверти)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070527

Александр Руж. Призрак Заратустры: Четыре четверти; Минск; 2023

ISBN 978-985-581-628-8

Аннотация

1927 год. Отгремели бои гражданской войны, но в далеких уголках Средней Азии все еще продолжают звучать выстрелы и литься кровь. Именно туда, в смертельно опасную командировку под видом журналиста отправляется Вадим Арсеньев – сотрудник особой группы ОГПУ, которая занимается расследованиями самых необъяснимых явлений. Загадочный манускрипт ведет его через знойную пустыню, кишашую бандами басмачей, все дальше и дальше от цивилизации – к руинам древней крепости, в которой хранится то, что дает человеку власть над всем миром.

Что ожидает главного героя: богатство, любовь или гибель, если над головами всех участников экспедиции витает злобещий призрак великого пророка Зороастра?

Содержание

Вступление	5
Глава I,	14
Глава II,	46
Глава III,	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Руж

Призрак Заратустры

© Руж А., 2023

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”»,

2023

Вступление

Пустыни Южного Туркестана. Кто никогда не бывал здесь, тот не оценит их оглушающей разум огромности, космического безбрежия, с которым не сравнится безбрежие самого большого из земных океанов. Иногда кажется, что они вытягивают в себя живое, как пылинку, чтобы иссушить, превратить в лишенную влаги оболочку и смешать ее с красно-желтыми песками.

Но это впечатление обманчиво. Пустыня не лишена жизни и не так уж безжалостна к своим обитателям. Вот столбиком застыл тушканчик – привстав на задних лапках, он настороженно крутит головой, попискивает и совсем по-детски шмыгает носом. Недалеко от него под верблюжью колючку юркнула ящерица-круглоголовка, а чуть поодаль грациозно проползла гадюка. В небе, едва тронутом рассветными лучами и потому пока еще имеющем цвет слегка разбавленных чернил, порхают первые утренние жаворонки.

Пустыня не мертва, пустыня живет!

Представления дилетантов, знающих о ней только по книжкам, во многом расходятся с реальностью. Почему-то принято считать, что пустыня однообразна. Это не так. Начнем с того, что контуры ее причудливы и неожиданны: плотно, изборозженное извилистыми складками, то провисает, устилая дно впадины, оставшейся от пересохшего озера,

то взбирается вверх и покрывает холм, из вершины которого, если присмотреться, торчит зубец античной крепостной стены.

Да! Были времена, когда эту местность, помимо змей и тушканчиков, населяли люди. По ней текли реки, от них ответвлялись рукотворные каналы и орошали земледельческие угодья. Здесь продвигались бесчисленные войска хана Чингиса, Тамерлана и Александра Македонского; каждый из них, сокрушив вражеские форпосты, возводил свои собственные, чтобы закрепить эти земли за собой. Плодородие Средней Азии в древнюю эпоху выглядело неистощимым, и она считалась лакомым куском для завоевателей. Но проходили века, тысячелетия, реки мелели и пересыхали, поля съезжались, сдавая позиции шаг за шагом, а их место занимали пески и растрескавшаяся глина, именуемая такыром.

Обезлюдели туркестанские раздолья. Заметенные до обвалившихся крыш руины былых укреплений и редкие кишлаки, разбросанные по необозримому пространству, – вот все, что напоминает о давнем коловращении могучих восточных цивилизаций близ отрогов Тянь-Шаня и Памира.

И все же нельзя сказать, что растерявшие свою плодородную ценность равнины и взгорки никому теперь не интересны. То тут, то там меж морщинистых дюн появляются наездники, большей частью вооруженные. Они передвигаются, как привидения, почти беззвучно, если не считать поскрипывания седел и шороха песка под копытами лошадей. Куда

они держат путь, какова их цель? Для дехкан – жителей кишлаков – это вопрос насущный, ибо время от времени привидения облакаются в плоть и под грохот выстрелов врываются в их улочки и жилища, учиняя разбой и грабеж.

Однако нынешним утром – а дело происходило в начале июня тысяча девятьсот двадцать седьмого года – через пустыню, расположенную к югу от Самарканда, ехал не отряд, а одинокий всадник на гнедом ахалтекинском жеребце, чья шкура, оплетенная сеткой проступающих сквозь нее кровеносных сосудов, золотилась в отблесках занимавшейся зари. Всадник был одет в летний, без подкладки, халат с обшитыми тесьмой полами, из-под которого выглядывала традиционная узбекская рубаха из хлопчатой ткани – яхтак. На ноги поверх суженных книзу штанов были натянуты сапоги со скошенным каблуком, что позволяло их владельцу уверенно держаться в стременах. Голову его покрывала чалма, а из амуниции можно было отметить семихвостую пеньковую плетель-камчу, крепившуюся к поясу, и заброшенную за спину английскую винтовку «Ли-Энфилд», широко известную в годы германской и Гражданской войн.

Несмотря на вооружение, всадник – смуглый молодой человек, с характерным монгольским разрезом глаз – не собирался ни на кого нападать. Он куда-то спешил и, поглядывая на поднимавшееся над горизонтом желтое светило, погонял жеребца. В его намерения, безусловно, входило добраться до пункта назначения как можно скорее, пока солнце не раска-

лило пески и не установился обычный для летних дней пятидесятиградусный зной.

Но чу! — из-за песчаного холма наперерез первому всаднику выехал второй. Он был одет и вооружен точно так же, только конь под ним плясал другой — поджарый казахский степняк. А еще этот второй был тучнее первого, и на его обвислых щеках виднелась седая поросль.

— Хэй! — выкрикнул он повелительно.

Первый всадник натянул узду и остановил жеребца.

— Ва, бу сиз! — проговорил он сипло. — Бу нима¹?

Второй всадник решил не затруднять себя ответом — вместо этого он сорвал с плеча винтовку и разрядил ее в грудь первому. Тот не успел ни пригнуться, ни отклониться. Пуля угодила ему точно в сердце, и он, охнув, накренился набок. Жеребец под ним заржал. Убийца для верности выпустил еще две пули, благо в обойме «Ли-Энфилд» их имелось пять штук, после чего развернул своего степняка, гикнул и ускакал за холм, откуда перед тем появился.

Стрельба над тихой рассветной пустыней распугала немногочисленное зверье и беспечно плескавших в воздухе крыльями жаворонков. Даже глухие от природы змеи, учувя всеобщее беспокойство, поторопились уползти восвояси и попрятаться.

А в кишлаке, до которого было не более версты, проснулся уса́тый человек с сабельным шрамом на щеке. Он спал

¹ А, это ты! Что такое? (узб.).

в одной из комнаток глинобитного дома, который при всей своей убогости хорош тем, что в нем не бывает жарко. Нищие дехкане не знают кроватей, поэтому гостю – а это был именно гость, ибо внешность он имел славянскую, хотя прочно приставший к коже загар свидетельствовал о том, что он под южным солнцем уже давно, – предложили в качестве ложа ватный матрас. Эти матрасы, по-здешнему «курпачи», – вещь универсальная. Ночами на них спят, а днем складывают и используют в качестве сидений, поскольку стульев в бедных домах тоже нет.

Проснувшись, усач сунул руку в нишу, выдолбленную в стене. За неимением шкафов в таких нишах обычно хранится домашняя утварь, но гость положил туда револьвер.

Где-то рядом спешно затопали, отдернулся полог, закрывавший вход в комнатку, и усач в одно движение откатился в угол, выставив перед собой руку с наганом.

– Кто? Стреляю!

– Товарищу Мокрый! – отозвались из полумрака тоненькой фистулой. – То ж я! Не признали?

Вбежавший говорил с мягким малороссийским акцентом. Это был худощавый, если не сказать тщедушный, красноармеец, рукава его гимнастерки напоминали бубенчики, в которых болтались тощие запястья.

– Павлуха? – усач опустил револьвер и притко поднялся на ноги. – Откуда пальба? Фить!

За это «фить!» он себя ненавидел. Хотя, если рассудить,

вины его не было: восемь лет назад в стычке с каппелевцами лишился переднего зуба. Вместо костяного вставили железный, да не вполне удачно, и теперь при выдохе иной раз получался присвист.

– Оттудова! – худыш махнул рукой влево. – Кажись, за солончаками... Три раза бабахнули, и тишина. Прикажете разведать?

– Сам поеду, – усач по фамилии Мокрый, которая никак не вязалась с пустыней, намотал на ноги потные, еще не просохшие с вечера портянки и подтянул к себе сапоги. – Подымай хлопцев.

– Всех?

– Зачем всех? Человек десять. А остальные пушай не дрыхнут, глядят в оба. Фить! Вдруг это отвлекающий маневр? Выманит нас Керим из кишлака, а потом нагрянет сюда со своими живодерами и перережет всех к чертовой бабушке...

В кишлаке квартировала красная полусотня, в ее задачи входило упреждать и пресекать бандитские набеги на мирное население.

Наскоро обувшись и одевшись, Мокрый вышел во двор, уже залитый ярчайшим солнечным расплавом. Подхромал старик – хозяин дома – в полосатом засаленном халате, протянул пиалку с верблюжьим молоком. Мокрый отрицательно мотнул чубатой головой.

– Рахмат, отец. Не сейчас. Дело у нас срочное, – и, по-

воротятся к набежавшим из соседних дворов бойцам, зычно скомандовал:

– По ко-оням!

Вскорости десять кавалеристов уже рысили через пески. Мокрый ехал первым, одной рукой держал поводья, а второй сжимал наган, вглядываясь в волнистый окоем, ожидая увидеть растянувшихся цепочкой башибузуков. Свет слепил его, он натянул козырек фуражки до самого носа, хотя это серьезно ограничивало видимость. Опасаясь внезапного нападения, сбавил ход, под него подстроились и подчиненные.

– Глядите, товарищу Мокрый! – выкрикнул Павлуха, обладавший орлиным зрением. – Коняка по-за кущами...

Подъехали к растопыренному кусту. Увиденная Павлухой коняка уныло тянулась мордой к шипастым веткам и, уловившись, нервно отдергивалась. За конякой волочился теперь уже бывший верховой – он застрял одной ступней в стремени, и потому жеребец не мог разъединиться с ним, так и таскал за собой эту бесполезную и безжизненную тяжесть.

Мокрый соскочил с седла, намотал на кулак гриву ахалтекинца.

– Тпру! Откуда ты взялся? Павлуха, глянь, что за субчик там мотыляется. Фить! Может, живой?

Павлуха отцепил перемазанное кровью и песком тело от стремени, перевернул на спину.

– Как есть мертвый, товарищу командир. В трех местах простреленный.

Бойцы окружили зловещую находку. Мокрый задрал фуражку повыше, задумчиво почесал лоб.

– Это кто же его так оприходовал, а? Наши ночами по пустыне не шатаются... Не иначе опять банда Керима наследила?

– Да он сам бандюк! – прогудел кто-то из десятка. – На винтарь его гляньте. Буржуйский. А Керима, известно, англичане снабжают, чтоб им киззяками подавиться...

– И то правда, – согласился Мокрый. – Но тогда что выходит – свои порешили? Чудно... Фить!

Седельной суммы на жеребце не было. Павлуха обшарил застреленного, нашел у него дюжину патронов к винтовке, кисет и клочок грубой пожелтевшей бумаги. Последний заинтересовал его.

– А энто шо, товарищу командир? Никак карта. Вон и кишлак наш обозначен, и арык, что от криницы прорыли... А внизу каляки какие-то. Будто кто карандаш расписывал.

– Дай-ка! – Мокрый отобрал у него бумагу. – «Расписывали»! Это по-арабски. Вязь называется.

– А вы разумеете?

– Нет. Толмач нужен.

– Да где ж его взять? У нас в кишлаке одни узбеки, они на арабском ни бельмеса.

– В Самарканд свезем. И бумагу, и этого... Фить! – Мокрый кивнул на убитого. – Грузи его, хлопцы!

Два дюжих красноармейца взвалили труп на горемы-

ку-жеребца, которого Павлуха повел за собой в поводу. Мокрый вскочил на своего сивку, карту с непонятными каляками упрятал в нагрудный карман и распорядился возвращаться в кишлак.

Глава I,

в которой Вадим Арсеньев

знакомится с особенностями самых южных областей Советского Союза

Адское пекло!

Окна редакции были распахнуты настежь, но вместо живительной прохлады в них врываются жгучие волны перекаленного воздуха. Сидя за длинным облупленным столом, Вадим обмахивался парусиновой кепкой, однако это не помогало. От проклятой жарыщи не было спасения.

А летучка все не заканчивалась, зануда-редактор бубнил и бубнил, противно чавкая жевательным табаком – отвратительная привычка, от которой он не хотел, да, наверное, уже и не смог бы отказаться, даже если бы захотел.

– В последнее время, коллеги, – сквозь клейкий морок долетал до Вадима его монотонный голос, – мы недостаточно внимания уделяем пропаганде научно-технического прогресса... чавк-чавк... А между тем, в азиатских республиках нашей необъятной страны все еще процветает махровое невежество, в особенности среди трудовых масс, которые совсем недавно стонали под гнетом баев и прочих феодалов...

Вот так уже целый час распинается. Начитался брошю-

рок из серии «Уроки политграмоты» и цитирует оттуда параграфы, переливая из пустого в порожнее. Эту бы «воду» да на нужды населения, а то лето выдалось такое засушливое, что и Филатовские ключи – главный источник городского водоснабжения – иссякли. И по уму не о прогрессе бы писать, а бить во все колокола, чтобы власти озаботились рытьем дополнительных колодцев. Но у газеты своя политика, она определена циркулярами, спущенными сверху. По крайней мере, редактор постоянно на них ссылается и любые инициативы, не соответствующие генеральной линии, зарубает на корню. Трус и подхалим. Благодаря протекции, угодил в теплое – ух, какое теплое, аж горячее! – кожаное кресло и держится за него мертвой хваткой.

Вадим вытер кепкой пот с переносицы. На белой материи проступило темное пятно. Фу ты... От брезгливости передернуло, и он зажал кепку между колен.

Первое знакомство с Самаркандом состоялось у него чуть больше месяца тому назад. Ведать не ведал, что фортуна занесет так далеко на юг, но обстоятельства сложились неожиданно. Вадим – штатный сотрудник особой группы Спецотдела ОГПУ – возвращался из служебной командировки в Москву, а его взяли и завернули. В столице к тому моменту усилилась и достигла точки кипения политическая борьба, а Вадим имел несчастье быть в нее втянутым. Пусть косвенно, не напрямую, но его непосредственный начальник Александр Васильевич Барченко принял решение подстраховать своего

любимца.

Кадры в особой группе подобрались исключительные, замену им днем с огнем не сыщешь. Вадим, к примеру, обладал уникальными способностями: видел в темноте, слышал за многие версты, еще и считал с поразительной скоростью. Александр Васильевич предполагал, что он один такой на миллиард. А может и во всем свете подобных ему нет. И дабы не попасть такому феномену в смертельные жернова, спровадил его шеф от греха подальше в Туркестан, в самую отдаленную глубинку.

Барченко в ОГПУ не абы кто, ему сам Глеб Иванович Бокий покровительствует, выбивает финансирование, снабжает нужной информацией – полезнейшее прикрытие, без которого особую группу давно бы разогнали. Уж очень она необыкновенная, из всех стандартов выбивается... Заместитель председателя политуправления Генрих Ягода неоднократно на заседаниях вопрос поднимал: нужны ли Советской власти специалисты по оккультизму и необъяснимым явлениям? И есть ли резон кормить их за государственный кошт? Но Барченко с Бокием не лыком шиты, им всегда есть, что предъявить. Группа не только в изучении гипноза и телепатии продвинулась, но и нескольких шарлатанов разоблачила, которые могли державе существенный вред причинить.

Жаль только, что не всеильны ни шеф, ни его покровитель. Не могут они выписать Вадиму Сергеевичу Арсеньеву, агенту с четырехлетним стажем, охранительную бумажку, с

которой его бы никто не тронул. Поэтому и отправили на туркестанские задворки, куда доставил его аэропланом друг и сослуживец Макар Чубатюк. И не просто доставил, а снабдил казенными деньгами в размере семисот рублей, что примерно соответствовало среднему полугодовому жалованию в Спецотделе.

Макар улетел в Москву, а Вадим поселился в общежитии на Ташкентской улице, неподалеку от Сиабского базара, откуда вечно несло пряностями, и, следуя инструкциям шефа, устроился на работу в самаркандский филиал русскоязычной газеты «Правда Востока».

Журналистский труд был для него не в новинку – дома подвизался в качестве корреспондента «Шахматного листка», – поэтому казалось, что проблем с трудоустройством быть не должно. Но редактор филиала Самуил Ноевич Бабскер – сверхбдительный и всего боящийся – стал тянуть резину, выпрашивать, за какой это надобностью столичного человека потянуло в глухомань, да не имеется ли за ним провинностей, и так далее, и тому подобное. Словом, вынудил Вадима зайти с козырей. Умница Барченко снабдил подопечного цидулькой от главы Центрального Исполнительного Комитета Узбекской ССР тов. Ахунбаева, она и выручила. Бабскер заткнулся. Вадима зачислили в редакцию, оказали почет и уважение.

Начались журналистские будни. Поначалу Вадим с энтузиазмом окунулся в новую для себя атмосферу Средней

Азии, увлеченно живописал ее колорит и экзотику, но быстро выяснилось, что в газете от него ждут не цветистых очерков об узбекском быте, а сухих отчетов о том, как осуществляется индустриализация и выполняются производственные планы. Он мечтал о путешествиях в горы и пустыни, а его уделом стали челночные снования по душному городу и бодрые репортажи с чаефасовочных фабрик и винных заводов. Тоска зеленая!

Испепеляющее туркестанское лето достигло пика. Вадим, взопревший, задыхающийся, с вываленным, как у собаки, языком, мотался на велосипеде из конца в конец Самарканда, чтобы потом, в корреспондентской, больше похожей на духовку, печатать на раздолбанном «Ремингтоне» кондовые строки о передовиках и отстающих. Он возненавидел беспросветную рутину, мысленно проклинал ретрограда Бабскера и всех его кураторов и дошел до того, что стал задумываться о бегстве в Москву. Там его ждали друзья, невеста, ждала интересная работа... Пес бы с ними, с политическими распрями! Как говаривал Макар Чубатюк: «Кому суждено быть повешенным, тот сам себе балбешник расколотит». Все лучше, чем коптиться под безжалостным солнцем, сочиняя дежурную белиберду, которую никто не читает.

Но на исходе июля, после очередной скучнейшей планерки, когда Вадим, закрыв блокнот, где вместо конспекта редакторской речи были намалеваны голые бабы, собирался уходить, Бабскер остановил его и пригласил к себе в кабинет.

– Будьте добры, Вадим Сергеевич, задержитесь, – попросил он с приторной вежливостью. – Хочу вас кое с кем познакомиться.

Вадим подавил вздох и настроился на встречу с каким-нибудь почетным хлопкоробом, однако в апартаментах редактора под портретом Навои сидел мужчина южнославянской наружности, облаченный в строгую пиджачную пару, еще и с галстуком. Раньше Вадим таких выпендренчиков в Самарканде не встречал. Узбеки в основном ходили в национальных халатах, а русские, большинство из которых появилось здесь еще при царизме, старались одеваться во что-нибудь легкое, светлых тонов. А у этого костюм был черный. И что удивительно, незнакомец в пиджаке не потел, даже челка на покато лбу не слиплась – топорщилась пушистым хохолком.

Чиновник, подумал Вадим. И ошибся.

– Имею честь, – Бабскер сотворил подобострастный реверанс, – представить вам профессора Вранича. Он из Белграда. Археолог, академик...

– Научник Королевской Академии, – поправил гость и поднял бородавчатый палец. – То е фундаментально.

Он изъяснялся с характерным для балканцев акцентом.

– Очень приятно. – Вадим взглянул на него с интересом. – Белград неблизко... Надо полагать, вы к нам по делу?

Вранич! Фамилия в масть. Острый нос наподобие птичьего клюва, смоляного цвета костюм, вдобавок и голос карка-

ющий.

– Наш репортер Арсеньев, – запоздало представил Вадима Бабскер и присовокупил для вескости: – Из Москвы. Прибыл к нам на стажировку.

Тонкости биографии собеседника научник пропустил мимо ушей. Закинул ногу на ногу и сцепил пальцы на коленке.

– Я был в Москве, – разъяснил он. – Международная конференция. И вдруг позавчера телефонский позыв из Самарканда.

Бабскер, чувствуя, что сербу сложно выстраивать фразы на чужом языке, скороговоркой дополнил:

– Господина Вранича проинформировали, что вблизи кишлака Алтынкан, что под Самаркандом, предположительно находится нетронутый памятник старины, в котором могут содержаться исторические... и не только исторические ценности... чавк-чавк... Он специализируется на Ближнем и Среднем Востоке, поэтому прервал участие в конференции и срочно вылетел сюда.

– Предположительно? – переспросил Вадим. – А откуда сведения?

Научник выудил из внутреннего кармана пиджака листок с оборванными краями, положил на стол и бережно расправил.

– Карта. Судя по арабскому написанию, означена фортеция. Наименование: Янги-Таш, у греков – Новая Ниса. Написание кажется, что она бережет вредности.

Вадим, которому в годы войны доводилось служить с выходцами из Сербии, вовремя вспомнил, что «вредность» на их наречии означает «ценность».

– Господин Вранич, – снова затянул Бабскер, – сказал мне, что в четвертом веке до нашей эры эти края захватило войско македонцев, которые возвели здесь множество крепостей. Вследствие изменения климата часть строений... чавк-чавк... была занесена песком уже через несколько веков, поэтому они избежали разрушения при нашествии монголо-татар.

– Такое, – важно прокаркал научник. – Фортеции стоят нетакнутые... не-тронутые. Але мы не знамо точно, где. Карта указуе. – И он постучал ногтем по ветхому листку.

Вадим придиричиво рассмотрел начертанный синими чернилами план.

– А вы уверены, что она подлинная? Откуда она вообще взялась?

Ему рассказали, что в начале лета гарнизон, охранявший кишлак Алтынкан, подобрал в пустыне труп неизвестного, у которого за пазухой и обнаружился заветный листок. Была проведена тщательная экспертиза, установившая, что бумага и чернила, коими сделана надпись и начерчена схема, изготовлены по средневековой рецептуре.

– Подделка? – усомнился Вадим, по роду своей деятельности сталкивавшийся с куда более изощренными фальсификациями.

– Нет, – опередил раскрывшего рот научника Бабскер. – Имеется заключение трех уважаемых ученых из Москвы и Ленинграда. Они подтверждают подлинность документа.

– Хм... И что же это за ценности, о которых в нем говорится?

Вранич сердито зыркнул на болтливого редактора и отрывисто произнес:

– Арабист сработал перевод. Текст такой: «Овде лежи то, что допоможеет овладать миром». Больше никаких словес.

– «Здесь лежит то, что поможет овладеть миром», – повторил Вадим, как заклинание.

Он был заинтригован. Зброшенная крепость, загадочный манускрипт, ключ к завоеванию мира... Мистический роман, да и только!

– Но при чем здесь я, Самуил Ноевич? – повернулся он к начальнику. – В истории я не дока, в проводники тоже не го-жусь – дальше Самарканда никуда не ходил, дорог не знаю...

– Проводники найдутся, – заверил его Бабскер. – Господин Вранич выразил желание лично раскопать крепость и получил поддержку на самом высоком уровне. – Редактор возвел очи к потолку. – В нашей стране пока что нет археологов с таким колоссальным опытом, поэтому его услуги чрезвычайно важны. А вы... чавк-чавк... Вы ведь жаловались мне, что производственная хроника вам опостылела.

– Вы предлагаете мне новую тему?

– Именно! Будете сопровождать господина Вранича в экс-

педиции, а потом напишете материал о сенсационной находке, если она случится. Пусть наши читатели увидят, что Узбекистан богат не только чаем и хлопком.

Вадим уже достаточно хорошо изучил натуру редактора и понимал, что тот озабочен не столько перспективой заполучить достойный материал для газетных полос, сколько желанием угодить иностранцу, который, несомненно, перед прибытием в Самарканд заручился такими рекомендациями, что мама не горюй. Подсуетиться, оказать содействие в расчете на последующую милость – все это в духе пройдошистого Бабскера.

А хоть бы и так! Вадим испытал радость, предвкушая расставание с этим жвачным, а заодно и с каменными оковами города, где поистине ощущаешь себя чугуном, задвинутым в зев натопленной печи.

Меж тем, высокообразованный серб, наблюдая за ним, повел себя как-то не по-ученому. Он протянул руку и пощупал предплечье Вадима. Выразил удовольствие.

– Бицепс добр. Это е хорошо... Стрелять знаете как?

– Знаю, – ответил Вадим, слегка замешкавшись. – А зачем?

– Пустыня има разбойники. Можата, придется держати оборону... А лопатой управляете?

Тут-то и вскрылась подоплека, о которой умолчал хитрюга Бабскер. Несмотря на щедрое финансирование, которое получил Вранич по линии Академического центра Нарком-

проса, ему удалось залучить в свой отряд лишь двух добровольцев из местных. Они согласились довести его до нужного места и пособить с раскопками. Остальные же, узнав, куда отправляется экспедиция, отвечали отказом: их страшили длительные переходы по безводным песчаникам и вполне вероятные столкновения с рыскающими в округе бандами. Поэтому научник хотел видеть в лице Вадима не неженку-щелкопера, а полезного помощника – чтобы и в ружье можно было поставить, и к копанию привлечь.

Осознав это, Вадим не испытал обиды. Серб рассуждает здраво, ему не нужен в походе балласт, зато нужны смелые, сильные и выносливые люди.

– Согласен. Когда выступаем?

* * *

Выступили на следующее утро. Снаряжения взяли минимум: два котелка, пшено, сухари, фляги с водой, компас и одну палатку на всех. Из оружия – по винтовке и револьверу на брата, плюс запас патронов. Идти предстояло верст полтора, маршрут проложили таким образом, чтобы он вел от кишлака к кишлаку. Ночевать предполагалось у дехкан, у них же за плату рассчитывали пополнять запасы провианта. Вадим удостоверился, что простые узбеки – те, что не заняты лихоимством – радушны и приветливы, и не откажут путникам ни в ужине, ни в ночлеге.

Для передвижения выбрали верблюдов – наиболее неприхотливых и свykшихся с засухой животных. Вадим в своей прежней жизни никогда не ездил на верблюде, но думал, что это несложно. Смирный мохнач лежал себе на песочке, подогнув ноги и меланхолично двигал челюстями. Вадим забрался в седло, представлявшее собой подобие пенька, прикрепленного между горбами. И тут верблюд начал подниматься. Распрямил задние ноги, и Вадима швырнуло вперед. Зарывшись в густую шерсть, он схватился рукой за основание седла, чтобы не выпасть. Верблюд, к счастью, без промедления разогнул все свои конечности, и положение седока выровнялось. Однако понадобилось немало времени, чтобы приноровиться к езде. Шаг у верблюда совсем не лошадиный, порывистый, и Вадиму пришлось судорожно цепляться за упряжь, чтобы оставаться в седле.

Что до охраны, то первые верст пятьдесят отряд, состоявший из четырех человек, сопровождали полтора десятка красноармейцев из самаркандского гарнизона. Когда забрались глубоко в пустыню, Вранич стражников отпустил. Для многочисленного каравана требовалось много воды и пищи, а научник хотел двигаться налегке, не снижая скорости. Он загодя разузнал, в каких кишлаках размещены части Красной Армии, через них и намеревался идти. Кипа бумажек с грозными печатями позволяла ему диктовать условия командирам всевозможных рангов, и те безропотно (ну, почти) выделяли сопровождение.

Спутники неуклонно продвигались к намеченной цели. Единственная загвоздка вышла в предпоследнем кишлаке. За день до появления экспедиции он подвергся налету басмачей из банды Керим-бека, наводившей ужас на весь район. Десять красных конников погибли в бою, а дехкане были настолько перепуганы, что носа не высовывали из домов. Вранич тряс официальными бумагами, звенел золотыми червонцами – не подействовало. Никто не рискнул отправиться вместе с ним к Алтынкану, до которого оставалось два дневных перехода.

– Швырлы кукавные! – в сердцах ругнулся интеллигентный серб, и соотрядники, проведя краткое совещание, решились предпринять марш-бросок вчетвером.

Первый дневной переход завершился без приключений. С погодой повезло – набежали тучки, загородили палкое солнце и умерили жару. Вадим качался на верблюде, растелешившись до майки и по-пиратски повязав на голову платок. Открытые участки тела были обожжены, пошли пузырьками и нещадно зудели. Вранич же – вот оригинал! – обрядился в полувоенную куртку, штаны с гетрами, препоясался ремнем, нацепил на голову пробковый шлем и стал похож на британского колонизатора. На верблюде он восседал, словно шейх, и оттуда, с верхотуры, покровительственно оглядывал туркестанские дали.

На ночь примостились у подножия бархана, поставили палатку, а снаружи развели костерок, возле которого, согласно

уговору, должны были посменно нести караул нанятые в Самарканде волонтеры. Они натащали саксаула, и тот занялся с первой же спички, горел без искр и копоти. Недаром знатоки считают его идеальным топливом, близким по теплоотдаче к каменному углю. Немаловажный нюанс, если учесть, что ночами пустыня остывает и дневная парилка сменяется весьма ощутимым холодом.

В этот вечер, предвкушая скорое прибытие в точку предстоящих изысканий, Вранич пребывал в сносном расположении духа, что случалось с ним нечасто. Вадим воспользовался моментом и задал вопрос, который вертелся на языке с того самого разговора в кабинете у Бабскера:

– «Поможет овладеть миром...» Как по-вашему, что имеется в виду?

Научник ответил не сразу, раздумчиво пошевелил дремучими бровями.

– Тяжко разумети. Что угодно. Имя кишлака указывает на залежи дорогих металлов. «Алтын» по-узбекски «злато». Але до меня то не был бы интерес. Желаю найти неку антику... древность.

Вадим подспудно желал того же, его распирало от стремления соприкоснуться с чем-то необычайным, дошедшим до современности из глубины тысячелетий. Но разум подсказывал ему, что и золотиносные залежи – тоже неплохо: знатное подспорье для молодой Страны Советов. С таким подарком для Наркомфина можно, пожалуй, в Москву с триум-

фом вернуться – все грехи простят.

Переполненный сладостными грезами Вадим задремал. Во сне – особенно крепком после многочасового перехода – ему явилась мифическая пещера Али-Бабы, а в ней – несметные богатства в кованых сундуках с откинутыми крышками. Все это сверкало, переливалось, слепило и будоражило...

Пробуждение, однако, развеяло радужные сны в прах. Вадим обнаружил себя связанным по рукам и ногам веревкой из шершавого растительного волокна. Рядом, на циновке, которую постелили с вечера в палатке, лежал в столь же беспомощном виде Вранич.

– Что стряслось? – выдохнул Вадим. – Кто это нас?

– Злыковцы... злодеи, – промолвил тот вполголоса и протянул сомкнутые запястья. – Помогите ослободить.

Винтовки, поставленные у входа в палатку, отсутствовали, но вещмешки все еще лежали в головах вместо подушек – точно так, как их положили вчера. А там, между прочим, револьверы. Но как до них добраться?

Вадим впился зубами в веревку, которой были скручены руки научника. Грыз остервенело, раздирая десны, и, безусловно, справился бы с задачей, но палатка раздернулась, и в нее заглянул узкоглазый грабитель в чалме. Он бесцеремонно взял Вадима за лодыжки и вытащил наружу.

Худшие предположения оправдались. Самаркандцы, живые и невредимые, сидели возле догоравшего костра и обменивались беззаботной тарабарщиной с еще одним злодеем –

таким же, как тот, что выволок Вадима из палатки. Смысл произошедшего уяснил бы любой глупец: наемники Вранича оказались предателями. Допетрили, что у иноземца денег куры не клюют, и замыслили обообрать его. Где-то в пустыне обретались их сообщники, ждали условного сигнала. Сегодняшней ночью им представился верный шанс, вернее не придумашь. Теперь жизни двух беспечных европейцев висят на волоске. И этот волосок уже, считай, оборван. Грабителям нет нужды проявлять гуманность: заберут мошну, а жертвам перережут глотки. Если кто-нибудь когда-нибудь и наткнется на брошенных под барханом мертвяков, то преступникам это уже ничем не грозит – их и след простынет.

Увидев Вадима, изменники загоготали, и один из них – по имени Нурали – крутанул барабан нагана. В русскую рулетку, что ли, предложат сыграть? Им торопиться некуда, могут и поглумиться.

Но произошло неожиданное. Из крошечной тьмы, окружавшей разреженный пламенем пятачок возле палатки, вывалился старикан в ветхом рубище до колен, линялой тубейке и с котомкой за плечами. В руке он держал увесистый посох.

– Ассалам алейкум, – пропел он, поклонившись, и добавил еще что-то по-узбекски, Вадим не разобрал.

Лиходеи злобно закричали на него, замахали оружием, прогоняя прочь. Старичок не стушевался, перевел свои внимательные глаза на связанного Вадима, спросил все так же

напевно:

– Бу киши ким?

Видимо, любопытствовал, кто это.

Нурали пружинисто вскочил и наставил на приставучего аксакала револьверный ствол. Старичок скривил губы, ловко двинул посохом, и подлый ренегат, выронив наган, опрокинулся в костер. Ночную тишь разорвал нечеловеческий вопль. Трое других хунхузов бросились на старика. Одного Вадим, лежавший на песке и извивавшийся, как червяк, сумел подсесть, подкатившись ему под ноги. Мог бы и не стараться, ибо пожилой оборванец явил чудеса боевого искусства. Посох в его руках вращался пропеллером, рассыпая удары направо и налево. Винтовки и наганы разлетелись в стороны, будто притянутые мощными магнитами. За ними последовали и кинжалы. Обезоружив противников, старичок отбросил посох, засучил рукава своего рубища и пошел выделять такие трюки, что и цирковым артистам не снились. Он вскидывал бандитов над головой, вращал и с силой впечатывал в песок. Они поднимались, с ослиным упрямством снова лезли на него и опять оказывались поверженными. Захваченный невиданным представлением, Вадим позабыл обо всем.

Неизвестно сколько продолжалась бы потасовка, если б из палатки не показался Вранич. Он-таки освободился от пут и не забыл захватить из вещмешков два итальянских револьвера «Коломбо-Риччи». Ими он, по собственному призна-

нию, запасаю еще перед приездом в Россию, поскольку его застращали байками о том, что в советских городах на каждом углу будет подстерегать оголодавшее мужичье с кистенями и топорами.

Бах! бах! – револьверы одновременно изрыгнули огненные пучки, и оба двурушника-самаркандца повалились, как подкошенные. Их приспешники, не дожидаясь аналогичной участи, оставили старичка в покое и дунули во мглу, откуда слышалось лошадиное ржание. Научник выпалил им вослед, но промазал. Зазвякали уздечки, приглушенно затопали по песку копыта... потом все стихло, лишь пощелкивал саксаул в костре.

– Барлык. – Старичок скорбно скосился на убитых и провел ладонью по жидкой бородачке. – Упокой оларды алла.

– Вы е казах? – осведомился Вранич, засунув револьверы за пояс. – Имеете казахски говор.

Он опустил на колено и принялся распутывать веревки на руках Вадима.

– Казахские степи – моя родина, – отвечал старичок. – Но половину жизни я странствую по пустыням. Так кто я – казах, туркмен, узбек, киргиз? Ешким билмейди. Аллах ведает.

Освобожденный Вадим с наслаждением помассировал затекшие конечности и, кое-как поднявшись, подбросил в вялый костер охапку сухих веток. Старичок, не дожидаясь приглашения, уселся у окрепшего огня, скрестил ноги. Его ли-

цо озарилось всполохами, и Вадим отметил про себя, что не такой уж это и аксакал. Морщин на щеках и под нижними веками совсем немного. А как дрался! Всякий молодой позавидует.

– Сколько тебе лет? Пятьдесят?

– Может, и пятьдесят, – промурлыкал тот уклончиво. – Есимдэ жок. Не помню.

– А звать тебя как?

– Мать назвала Мансуром. Это значит: «под защитой». Вот уже тридцать лет я странствую, и Всевышний хранит меня.

– Ты дервиш?

– Точно так. Худди шундай, – отозвался бродяга, перейдя на узбекский.

Не исключено было, что он в равной мере владел всеми языками, что были в ходу у обитателей Средней Азии.

– Вы славно бились, – похвалил его Вранич, усаживаясь рядом. – Где то познали?

Мансур без всяких околичностей поведал, что за годы скитаний освоил приемы тюркской борьбы, известной среди азиатских народов под названием «кураш» или «курес». А китайцы, с которыми он свел знакомство в Тибете, обучили его драться на шестах. Так что хранили его не только милость и добросердечие Всевышнего, но и приобретенные навыки.

Ноздри серба раздулись, как у хищника, почуявшего до-

бычу. Намерения его были очевидны: лишившись в одиночестве двух работников и не имея охраны, он жаждал заманить мускулистого и хорошо знавшего пустыню странника в свой более чем крохотный коллектив. Чтобы произвести впечатление, он с ходу предложил двадцать рублей подъемных и посулил еще сотню за участие в раскопках. А если работы растянутся на месяц и дольше, то плата, соответственно, будет увеличена.

Мансур воспринял царское предложение с флегматическим спокойствием стойка. Сказал, что деньги не имеют для него значения. Что на них купишь, когда на десятки и сотни километров вокруг нет ни рынков, ни магазинов? Пропитание себе он находил в кишлаках, где сердобольные крестьяне угощали его лепешками и вареным мясом, а он за это помогал им месить глину с соломой, обмазывать стены домов, встряхивать ковры или попросту развлекал их сказками, песнями и фокусами.

Вранич сник.

– Ты не желаешь идти за нами?

Мансур вынул из котомки катламу – кругляш жареного слоеного теста, присыпанный сверху сахаром. Она уже изрядно зачерствела, но он крепкими, вовсе не старческими зубами отгрыз от нее кусочек, с аппетитом прожевал и пожал плечами.

– Почему не желаю? Мансур – вольный человек. Еркин. Как птица. Ты меня позвал, я захотел. Пойдем! Чем смогу,

помогу. Но если мне надоест, я уйду.

Условия, поставленные им, выглядели, прямо скажем, размыто, но Вранич не стал спорить. Сейчас перед экспедицией стояла задача – попасть в Алтынкан. Мансур со своими талантами годился и в штурманы, и, случись новое нападение бандитов, в защитники. А что будет после – кто скажет? Будущее непредсказуемо.

* * *

Остаток пути до кишлака проделали благополучно. Никто из налетчиков больше не показывался, а Мансур вел поредевшую экспедицию удобными тропами, мимо мало кому известных колодцев и росших купно чинар, где можно было вдоволь напиться прохладной воды и отдохнуть в тенечке.

В Алтынкane их встретил командовавший кавалерийской полусотней товарищ Мокрый. Научник не без надменности вручил ему сопроводительное письмо с автографом первого секретаря Центрального Комитета Компартии Узбекистана.

– «Сим предписывается оказывать господину Враничу и его сопровождающим всемерное содействие в осуществлении археологических работ на указанном ими объекте...» – прочел Мокрый чуть ли не по слогам и присвистнул плохо вставленной фиксой: – Фить! Раскапывать, значит, будете... Одобряю. Но только, признаться вам по совести, не лучшее вы времечко выбрали для археологии.

– Почему? – вскинулся серб, не любивший, когда ставили под сомнение что-либо им задуманное.

– Ну, перво-наперво, нынче самая что ни на есть баня. Вам бы хоть в сентябре приехать, а то и попозже... фить!

– А другой узрок? То есть... вторая причина?

– Вторая?... – Мокрый помедлил, крикнул в дверной проем: – Павлуха! Принеси-ка нам кумысу... И стол накрой. Люди с дороги, подкормить надобно.

Павлуха, ординарец Мокрого, управился в два счета, и через четверть часа новоприбывшие, включая Мансура, расположились на разложенных вокруг достархана стеганых тюфяках. Вадим отметил, что на расстеленной на полу скатерти не было ни плова, ни кебаба, ни других мясных яств, которые в изобилии подавались в чайханах Самарканда. Алтынкан, невзирая на свое «золотое» название, едва ли относился к зажиточным поселениям. Тем не менее, некоторое разнообразие блюд все же присутствовало: наполненные рисовым супом плошки соседствовали с лапшой-лагманом, здесь же лежали колобки из пресного теста, мучная халва и еще какие-то кушанья, которые Вадиму раньше не попадались.

Прихлебывая кумыс, командир Мокрый завел обстоятельный монолог:

– Про Керим-бека слышали? Фить! Ну, конечно, в Самарканде-то своих забот хватает... А тутошним от него спасу нет. Почитай второй год его кодла на кишлаки страх нагоняет. Я уж и подкрепление вызывал, чекисты приезжали, пу-

стыню прочесывали, да толку! Все равно что океан ситом процеживать... У Керима не шайка, а свора оборотней...

– Это как? – Вадим подавился колобком, закашлялся, поскорее припал к пиале с кумысом.

– А так... фить! Рожи свои никому не кажут. Рядятся в белые балахоны, как эти... которые в Америке над неграми измываются...

– Ку-клукс-клан?

– Он самый. Такие ж колпаки на себя напяливают, ни единой хари не распознаешь. А балахоны для усрашения тиграми разрисованы. Наскакивают всегда вихрем, рубят шашками на скаку без разбора... Хватают, что под руку подвернется, и уматывают. Да так резво, что не догнать. Кони у них породистые, не чета нашим. Через это доподлинно неизвестно, где у них стоянка. Кочуют по пустыне, то там приткнутся, то сям... фить!

– Поставляю, что и те, кои на нас в ночи напали, тако ж из злочинцев Керим-бека? – огласил догадку Вранич.

– Не... – Мокрый пригладил усы и отправил в рот ложку с супом. – Повадка не та. Это вас залетные, из города, хотели в оборот взять. Тут какой только нечисти не водится... Поживете, сами насмотритесь.

Научник положил перед ним карту, из-за которой и была организована экспедиция. Командир хмыкнул.

– Знакомая штучка! Это ж мы с хлопцами ее раздобыли... фить!

– Далеко от кишлака е сия фортеция?

– Верст пятьдесят, а то поболее... фить! Не наездишься.

– Значит, придется жити тамо. Поставим шатер... Дадите вы нам стражаров?

– Охрану? – Мокрый замялся. – Нет, ребята, не дам. У меня и так бойцов – раз-два и обчелся. А если Керим со своими головорезами пожалует? В кишлаке полтораستا человек, из них больше половины – бабы с детишками. Кто их защитит? Фить... Сопровождающего вам выделю, и баста.

– Одного? То мало!

– Ладно, двух. Больше не просите. Сказал же: не самое удачное времечко вы для археологии выбрали.

На ночлег экспедицию определили в крайний дом, к восьмидесятилетнему Алишеру, который две трети своей долгой жизни мотался по Туркестану с разными сомнительными компаниями, потрошил баев, но затем остепенился, перевел жизнь на мирные рельсы и занялся ковроткачеством. Этим вечером из окошек его халабуды открывался красочный вид на бесконечно многообразный песчаный ландшафт. Впечатлившись закатом, который, отражаясь от пустыни, отливал кровавым багрянцем, Вадим лег на матрас и приготовился ко сну.

С тех пор, как выехали из Самарканда, ему спалось худо. Мнилось, что все вокруг кишит змеями, и что они только и ждут минуты, чтобы ужалить. Сейчас было примерно то же самое – он ворочался с боку на бок, прислушивался к похра-

пыванию серба, крепко почивавшего на соседнем матрасе, и тщетно заставлял себя погрузиться в дрему.

Судя по робким рассветным проблескам, было около пяти часов утра, когда на улицах кишлака поднялся гвалт. Вадим услышал перебранку на узбекском, в которую вплетались выкрики по-русски: «Да вот вам честный большевистский крест, не совру! Цельный гурт нечистых...» Это был голос Павлухи – писклявый, с петушиными нотками.

Гомон был настолько громок, что в доме проснулись все. Научник начал ворчать, что, мол, никакого покоя, а Вадим уже оделся и выскочил во двор. На улочке, запруженной дехканами, действительно стоял Павлуха, побледневший, растерянный, а к нему сквозь толпу проталкивался командир Мокрый.

– Марш по домам... фить! Нечего тут митинги устраивать! – Подойдя к Павлухе, он взял тон еще более суровый:

– Что такое? По какому поводу сыр-бор?

– Товарищу командир, – залопотал Павлуха, оправдываясь, – нечисть мы в пустыне видели!

– Какую еще нечисть? – насупился Мокрый. – Ты что, браги перепил?

– Никак нет... Вы ж знаете, у меня до горилки тяги нету. Пьяного дела, как грится, да тверезого ответы. Дозвольте по порядку обсказать.

– Обсказывай. Только не здесь. – Мокрый стрельнул глазами на селян, не желавших расходиться. – Айда в хату.

Вадим решил пойти за ними – надо же было вызнать, что за нечисть привиделась Павлухе. И вот что услышал. Ординарец вместе с земляком из Житомира – красноармейцем по фамилии Сивуха – отправились в ночной дозор. Такого было распоряжение Мокрого – в темное время суток патрулям полагалось объезжать кишлак, дабы исключить внезапное нападение басмачей.

– Едем мы, стало быть, балакаем, – рассказывал Павлуха в сильной ажитации, – глядь, народ в низинке! Человек десять, не то с дюжину, не успели сосчитать...

– Что за народ?

– То-то и оно, товарищу командир! Я таких допрежь не видывал... Все в саванах, будто из могил повылазили. В руках палицы загнутые, а на головах не то ведра, не то шлемы – как у этих... тевтонов, про каких в книжках пишут и лекторы рассказывают.

– Может, это Керим-бек со своим сбродом? – встрял Вадим, чтобы не быть совсем уж мебелью. – Они вроде тоже не по-людски одеваются.

Его теорию Павлуха отверг начисто:

– Не-ет! Тех-то я встречал, знаю... Это другие.

Мокрый внимал ему, барабаня пальцами по кобуре.

– И что же они делали, твои тевтоны?

– Не разобрал, товарищу командир... – Павлуха покаянно опустил голову. – Еще и не развиднелось как следует, а они вдалеке... Причудилось мне, будто они палицами песок ко-

выряют, ищут что-то... Мы с Сивухой из винтовок предупредительные в луну выпалили, и к ним! А они тикать! Мы подъехали, а в низинке уже и нет никого.

Мокрый досадливо кхекнул, присвистнул фиксой.

– Все-то ты врешь! Небось, в темноте да с перепугу людей с кустами попутали? Сам же говоришь: «причудилось»...

– А если не врет? – вступился за Павлуху Вадим. – Надо посмотреть. Я съезжу, проверю.

Мокрый всунулся в пропотелую, словно накрахмаленную гимнастерку, обмотался портупеей. Пробурчал:

– Вместе проверим. – И Павлухе:

– Седлай коней, покажешь.

Экскурсия в означенную низинку, как и следовало ожидать, результатов не принесла. Солнце уже затопило пустыню густой световой жижей, в ней тонули желтые насыпи и редкие рогульки саксаула. Из живности прошмыгнула пара сусликов да низко прошуршала дрофа, прозванная вихлем за способность летать зигзагами и резко менять направление. Людей не было и в помине, равно как и оставленных ими следов. Впрочем, какие могли быть следы на рыхлом песке после стольких часов?

Павлуха получил от руководства нагоняй. И хотя он божился, что нечистые в саванах не есть плод его воображения, Мокрый вlepил ему позорный наряд, заставив чистить пригоревший казан, после чего объявил:

– Бери Сивуху и езжай вместе с городскими. Черепушкой

своей за них отвечаешь, понял?

– Товарищу командир! – занял ординарец. – А как же вы без меня?

– Не пропаду, мне нянька не нужна. Отдохну от тебя, олуха... Фить! Глядите там в оба. Коли за неделю не управитесь и Керим-бек вас не перебьет, приезжай за харчами, заодно обстановку доложишь. Выполняй!

Павлуха покорился. На следующий день экспедиция, усиленная двумя красноармейцами, направилась дальше в глубь пустыни. Вадим и Вранич пересели на лошадей, еще одна кобылка была выделена дервишу Мансуру, а на верблюдов навьючили вооружение, которое оторвал от сердца командир Мокрый: ящик гранат-лимонок, два французских пулемета «Гочкис» и патроны к ним. Еще взяли отбитые красноармейцами у басмачей английские винтовки и, разумеется, оставили при себе револьверы. Арсенал смотрелся внушительно, однако Вадим понимал, что если сведения о Керим-беке и его апашах соответствуют действительности, то хоть пушку с собой бери – силы все равно будут неравными. Передают, как курят...

Но не идти же на попятный! Научник по мере приближения к цели все больше воодушевлялся, в нетерпении прищипоривал свою каурку и напевал под нос сербскую народную песенку «Русе косе, цуро имаш». Вадимом тоже завладел душевный подъем, опасения отступили на второй план. Мансур вовсе не выражал эмоций, трюхал себе позади кара-

вана на низкорослой лошаденке, молчал и по сторонам не глядел. Беспокоились только Павлуха с напарником, Побывавшие в передрягах и познавшие коварство азиатского за-тишья, они не доверяли пустынной безмятежности, держали заряженные винтовки поперек седел и с тревогой озирали ширь от горизонта до горизонта.

Обошлось. К вечеру отряд увидел перед собой высокий, наметенный из охристых песчинок бугор.

– Край пути, – провозгласил Вранич, сверившись с кар-той. – Стоп.

Вадим спешил и подошел к кургану. Когда б не знал, что под слоем мелких крупиц скрыта эллинская крепость, проехал бы мимо, не задерживаясь. Горка как горка, ничего выдающегося. Но нет! Если всмотреться, то можно угадать очертания крепостной стены и выстроенной в ее северной части башенки.

Вранич – на то и спец! – все это подметил сразу. Спрыгнув с лошади, забухтел:

– Цитадель об единой башне. Хм... Необычна форма, ма-ла величина. На фортификационный узел не схоже. Скорее, то е пост для посматрачки... наблюдения... или для другие цели. Все то мы проверим. – Он обернулся к красноармей-цам и Мансуру. – Разгружайтэ!

С верблюдов сняли пожитки, сложили кучей. Павлуха с приятелем взялись за установку палатки – шатра, как ее на-зывал велеречивый серб. Мансур в работах участия не при-

нимал, ходил с непроницаемым видом, изучал плацдарм. Заметив, что он бездельничает, Вранич отдал приказ насобирать хвороста на растопку, а сам вместе с Вадимом принялся осматривать подножие взгорка, который предстояло раскопать. Величина заветной цитадели, если сравнивать с укреплениями, где Вадиму выпадало бывать и даже сражаться, была и вправду «мала», но расчистить крепость впятером – задача непосильная. Придется убрать тонны песка, и это вручную, лопатами, в метеоусловиях, не очень-то располагающих к физическому труду... Да тут не то что на неделю – счет пойдет на годы!

– Заботитесь? – угадал его сомнения научник. – Не след. Карта нам поможет. На ней отмечена восточная парцелла, она нам и потребна. Двадесять пять квадратных метров, але мало больше. Конечно, ако имам времена, мы выкопаем остаток твердыни, но то е после.

Переговариваясь, они обходили пологую возвышенность кругом, прикидывали, с какой стороны лучше всего врубить-ся в сыпучую массу. Внезапно Вадим указал научнику на черный вывал в склоне.

– Смотрите! Проход внутрь... Откуда бы ему взяться?

Предполагать, что за две с лишним тысячи лет песчаные бури оставили нетронутым какой-то участок крепости, было глупо – это сообразил бы даже полный невежда.

Вранич потемнел ликом.

– Нас опередили... Айдемо туда!

Он взял наизготовку свой «Коломбо-Риччи» и смело шагнул в дыру. Она оказалась небольшими воротами, за которыми начинался коридор. Он был освобожден от песка лишь частично, и чтобы ступить в него, пришлось нагнуться.

Научник постучал рукояткой револьвера по обнажившейся стенной кладке.

– Тако я и знал. Цигла.

– Что? – недопонял Вадим.

– Кирпич-сырец. Его потребляли в эллинистических постройках. Я датирую сию фортецию четвертым веком до новой эры. Само тогда крозь Среднюю Азию шли войска Александра Великого.

Вадим жадно шарил взглядом по стенам, он впервые находился внутри столь древнего сооружения. Но пока не попадалось ничего, достойного внимания. Разве что на одном из кирпичей нечетко прорезывался рисунок: круг с птичьими крыльями и хвостом. Научник тоже не пропустил мимо это изображение:

– Символ зороастризма але маздеизма, – небрежно прокомментировал Вранич и включил предусмотрительно взятый с собой электрический фонарик. – Культ обрел развитие в тех годинах...

Оранжевая бляшка заскользила по коридору, выхватывая то нагромождения песка, то потрескавшиеся стены. Вадим определил, что здесь не далее как вчера орудовали шанцевым инструментом. Углубились в завал на какие-нибудь три-

четыре метра и едва ли добрались до ценностей, но суть не в этом. У экспедиции Вранича есть конкуренты! Вот о чем следовало подумать прежде всего.

Вадим собирался высказать свои мысли вслух, но сзади ему в шею уперлось что-то металлическое, и звучный баритон прохрипел:

– Х-ха! Вот и попались, твари...

Глава II,

дополняющая повествование новыми колоритными персонажами

Вот и оплошал! Непростительно для уника со сверхслухом. За версту шелест песка под лапками ящерицы уловить способен, а тут нате вам – упустил подкравшегося сзади и, судя по горловому диаконскому тембру, достаточно грузного человека.

Вадим уже и руку начал поднимать, чтобы хлопнуть себя, дурня стоеросового, по лбу, но доводить движение до конца поостерегся. Тем более что голосистый невидимка упредил:

– Стой, где стоишь, и не егози! И ты, носатый, тоже!

Последнее относилось к Враничу. Научник, отвлекшись от созерцания коридорного интерьера, смотрел через плечо Вадима, выпятив губы в недовольной гримасе.

– Кто вы есть? И по коему праву командуете?

– А ты что, меня не помнишь? – откликнулся хрипун. – Я тебя видел в Москве.

– Где то было?

– На конференции.

– Не помню. Вы также научник?

– Приват-доцент Московского университета Хрущ-Ладожский собственной персоной.

Последнее было сказано с некоторой манерностью, выдававшей в обладателе надтреснутого баритона личность старорежимную, не до конца вписавшуюся в новые реалии. Об этом же свидетельствовало и употребление термина «приват-доцент». Звание было официально упразднено еще декретом восемнадцатого года, но его по инерции продолжали употреблять отдельные представители и любители прошлого.

– Да ну! – Вадим ожидал услышать все, что угодно, но только не это.

Презрев возможные последствия, он отшатнулся от стали, вдавившейся в ямку под левым ухом, и повернулся, чтобы глянуть на того, кто взял его на мушку, как желторотого салагу.

Неосмотрительное действие едва не стало последним в его жизни. Под низким потолком ахнул выстрел, пуля чиркнула по мочке уха и, срикошетив от стены, зарылась в песок. Вадим на миг увидел перед собой гориллоподобное существо с зажатым в руке – лапе? – короткоствольным пистолетом.

– Тварь! – проревело существо, и из пистолета вылетела вторая пуля.

Вадим успел сгруппироваться, сделал нырок и врезался макушкой в бочкообразный живот, перекрещенный подтяжками. Умения, приобретенные еще в дореволюционной контрразведке и отточенные уже в Спецотделе политического управления, не раз выручали его в схватках. Обычно от

тычка головой под дых противник сгибался в три погибели или летел кубарем, как сбитая городошная чурка. Но сейчас не произошло ни того, ни другого. Человек-горилла устоял на ногах, лишь покачнулся. Вадим отскочил от него, как от батута.

Спасибо Враничу – не сдрейфил и запустил фонариком в ряху монстра, а когда тот инстинктивно прикрылся локтем, подскочил ближе и поддал ему коленом в пах. Это подействовало, и в следующую секунду два научника, сцепившись, покатались к выходу. Вадим поднялся, потер ушибленный тухес и подобрал пистолет, выбитый сербом у собрата по академической деятельности. То был самозарядный «Литтл Том» австро-венгерского производства, малость устаревший, но вполне себе действенный.

Борцы выкатились на свет, Вадим вышел за ними. Налаживался тюкнуть приват-доцента «Маленьким Томом» по маковке, но Вранич с похвальной ловкостью вывернулся из обезьяньих объятий и провел болевой прием, от которого Хрущ-Ладожский взревел, как раненый мамонт, и замолотил ладонями, подняв песчаный ураган.

– Все, все! Тварь... Отпусти!

Научник разжал локтевой сгиб, которым защемил лодыжку соперника, и проговорил так ровно и бесстрастно, будто стоял за кафедрой во время доклада:

– Слово «тварь» е бранное. Попрошу ко мне его не относить. И извольте именовать меня на вы.

Вот теперь у Вадима появилась возможность обозреть приват-доцента во всем его великолепии, пусть и немного подпорченном вследствие драки. Представитель Московского университета мало походил на своих соратников. Широкие плечи, длинные мохнатые ручки, короткие кривые ноги, голова, напоминавшая котел, грива с рыжеватым отливом и курчавая борода, доходившая до середины груди. Пожалуй, больше всего ему соответствовал типаж профессора Челленджера из произведений Конан Дойла. Наряд его состоял из парусиновых брюк, английской рубашки-поло с коротким рукавом и двумя пуговицами у ворота и соломенной шляпы, которая слетела в пылу битвы и валялась у входа в крепость.

– Быть по сему... – прохрипел Хрущ-Ладожский. – Вы меня уделали. Признавайтесь: вы спортсмен?

Вранич отряхнул свою куртку, поправил съехавший набок пробковый шлем и дал лаконичный ответ:

– Я имел участие в балканских войнах. Тамо обучился владению пиштолем и борению.

Подбежали красноармейцы с винтовками, за ними маячил Мансур.

– Улитки хреновы! – буркнул на них Вадим и пощупал оцарапанное пулей ухо. – Нас уже двадцать р-раз уколошить могли...

– Та мы же не знали! – заблеял Павлуха и вытаращился на приват-доцента. – А это кто такой?

– Кто он такой, мы уже выяснили. Понять бы еще, каким самумом его сюда занесло. – Вадим, поигрывая «Литтл Томом», обратился к Хрущу:

– Вас как по имени-отчеству?

– Аркадий Христович. – Волосатая десница подняла шляпу, нахлобучила на рыжую копну. – Отдайте пистолет. Это мне в Египте подарили, когда я вместе с Картером фараоновы гробницы откупоривал.

Вадим не мог избавиться от ощущения, что где-то уже видел этого примата. Перебрал в памяти московских и ленинградских знакомых – как нынешних, так и дореволюционных, – но не припомнил среди них такого. Оттолкнувшись от только что произнесенных слов, стал прощупывать почву.

– Вы имеете отношение к археологии?

– Х-ха! Непосредственное! Состоял в Императорском археологическом обществе, а перед тем учился у Анучина. Знаете такого?

– Кто не знае Дмитрия Николаевича! – откликнулся серб, и Вадим впервые уловил в его обычно высокомерном тоне намек на почтительность. – Велик е географ и антрополог.

– Вот и мотайте на ус... твари...

– Вы опять?! – Вранич с горячностью схватился за «Колombo».

– Это я так, в пространство... Возмущение фонтанирует.

– Насчет чего вы возмущаетесь? – поскорее влез Вадим,

пока перепалка между учеными мужами снова не переросла в мордобой.

– Х-ха! А то не понимаете? – Хрущ-Ладожский потыкал заскорузлым мизинцем в крепость. – Речь идет о мировой сенсации, возможно, о миллионах... а на раскопки отправляют чужеземца! Где это видано? – Он опалил серба испепеляющим взором. – Позор России!

– С чего вы взяли, что р-речь идет о миллионах? И откуда вообще узнали о карте и р-раскопках?

Приват-доцент стушевался, но всего на долю секунды.

– Арциховский... который вам с арабского переводил – мой закадыка. С гимназической скамьи дружим. Он мне все рассказал, показал карту, я с нее фотокопию сделал, ноги в руки – и сюда. Надо было вас опередить, пока национальное достояние не растащили.

– Кто тащил? Я? – взвился научник. – То е поклеп!

– Тихо, тихо! – Вадим придержал его, рвавшегося в бой, и продолжил активный допрос Хруща: – Так вы, стало быть, патриот? Защитник интересов Р-родины?

– А что, не похоже? – Приват-доцент вдруг прервался и рывкнул: – А вы, сударь, кто таков, чтобы из меня жилы тянуть?

Вадим пришел в некоторое замешательство. В азарте он и позабыл, что играет роль мелкой газетной сошки, поэтому ухватка агента ОГПУ вовсе неуместна и вызовет подозрения не только у господина-товарища с ярко выраженной дворян-

ской фамилией и зверообразной внешностью, но, того и гляди, у своих же компаньонов. Прикусил язык, смолк, представив отдуваться начальнику экспедиции.

Серб не подкачал. Доходчиво объяснил самозваному исследователю, что тот не имеет права без разрешения изучать данный объект культурного наследия и тем паче изымать его содержимое, ежели таковое имеет место быть. Соответствующая санкция выписана только отряду Вранича. Более того, в случае самоуправства кого-либо из посторонних, вне зависимости от его чина и общественного статуса, дозволяется применять силу, вплоть до вооруженного отпора. Произнеся это, научник красноречиво указал на красноармейцев с винтовками.

Их вид, а также очевидное численное превосходство, сбили форс с Аркадия Христофоровича. Он поджал плечи, ворохнул бородищей.

– Х-ха... – Это прозвучало уже без гонора, квелю. – Что же вы меня, поганой метлой погоните? Как мазурика какого-то?

Павлуха с Сивухой взяли винтовки наперевес, готовые вытурить чужака штыками в три шеи. Но решение следовало принимать не им, а Враничу. Он, прежде чем дать отмашку, заглянул в дыру, прокопанную в холме.

– Колико дён вы здесь находидесь?

– С позавчера.

– И уже столько грунта извлечь успели? Дивно!

Вадим следил за ходом мыслей серба. Хрущ-Ладожский

со своей мускулатурой один стоил двух землекопов. Если привлечь его к работе, она пойдет куда быстрее. Да и как знать, что предпримет этот вспыльчивый верзила, когда получит от ворот поворот? Ему известно местонахождение крепости, он может нанять ораву нищелюбодов, привести ее сюда и, что называется, задавить экспедицию массой. С него станется! Вон сколько злобы перекипает под нависшими бровями... Нет, безопаснее и рациональнее держать его при себе.

К этому же выводу пришел и серб. Подвел черту под раздумьями:

– Соглашаю вам остаться с нами. Але должны будете исполнять мои указы яко начальника раскопания.

Вадим думал, что заносчивый приват-доцент распетушится, начнет качать права и заявлять, что ничьим указам он подчиняться не намерен. Однако тот при всей своей кичливости был неглупым и уразумел, что предъявлением претензий ничего не добьешься. В знак примирения он протянул Враничу косматую лапищу.

– Лады. Но учтите: я – личность вольная, холопом к вам не нанимался. Будет что не по душе – уйду.

* * *

Неведомо, пожалел ли сербский научник о своем вердикте, но отношения между ним и приват-доцентом так и не по-

тептели. Хрущ-Ладожский вел себя независимо и при любой попытке командовать им цедил свое излюбленное: «Ха-ха, твари...» Это выводило из себя всех, за исключением, может быть, вечно невозмутимого Мансура. Хорошо еще, что Аркадий Христофорович отселился от экспедиции в отдельную палатку, которую привез с собой. Там он и просиживал, как филин в дупле, свободные от работ часы. Чем занимался – Бог весть.

Раскопки повелись одновременно с трех сторон: через воротца, уже отрытые Хрущом, и через два пролома в крепостной стене, обнаруженные неподалеку от входа. Сухой песок поддавался легко, но обладал противным свойством – текучестью. Не успевали вынуть кубометр, как освобожденное пространство тут же заливали сыпучие струи, наплывавшие из соседних слоев. Морока, да и только!

Прошло два дня, похвастаться было нечем. Удалось продавить рыхлую субстанцию на восемь-девять метров и достичь круглого, судя по обводу стен, помещения. Это было что-то вроде зала, чьи размеры пока не представлялось возможным установить, ибо он, как и все остальное в крепости, являл собой гигантскоеместилище песка. Возникли разногласия и относительно его предназначения. Вранич безапелляционно заявил, что в этом зале совершались обряды, о чем свидетельствовали остатки кострищ и черепки посуды, которую, по его утверждению, использовали огнепоклонники для своих ритуалов, наливая в нее смесь воды, мо-

лока и сока эфедры – небольшого травянистого кустарника, напоминавшего хвощ. Хрущ-Ладожский поднял его на смех и сказал, что крепость по своим слабо угадывавшимся контурам не похожа на храм. Это защитное сооружение, в котором, правда, могли проводиться и культовые действия. Археологи собачились по данному поводу часа полтора, а потом возвращались к прерванной полемике еще трижды или четырежды, что никак не способствовало ускорению проходки.

Никто и не ждал, что крепость как по волшебству раскроет свои секреты. Не знали даже, что ищут. А Вадим спрашивал себя и других, каким образом карта с маловразумительной припиской оказалась в центре пустыни у неизвестно кем застреленного человека. Все это его изводило, лишало покоя и сна.

Нужно ли упоминать, что, помимо морального дискомфорта, присутствовал и физический? Жара давила, мешала работать, очень хотелось освежиться, но где? В радиусе полукилометра от лагеря не нашлось ни грамма воды. Приходилось довольствоваться запасами в объемистых бурдюках, которые экспедиция взяла с собой. Их при экономном расходовании должно было хватить недели на две.

Заходить далеко в пустыню Вранич категорически запрещал: во-первых, не любил, когда отлынивали от обязанностей, а во-вторых, не ровен час могли налететь басмачи и порубить одинокого гуляку в капусту. На расспросы о пополнении ресурсов для питья он неизменно отвечал, что когда

придет время, кто-нибудь из бойцов съездит в кишлак и привезет свежей воды.

Вадим не успокаивался. За свою жизнь он неоднократно бывал на северах, мерз за Полярным кругом и на якутском полюсе холода, но даже снежное, покрытое теменью безмолвие не угнетало его так, как освещенная солнцем и пышущая жаром туркестанская пустыня. Перспектива свариться заживо или иссохнуть от обезвоживания представлялась куда более пугающей, чем околевание на стуже.

Шеф Александр Васильевич определил бы это как индивидуальные психологические характеристики. Они-то и подвигли Вадима нарушить запрет Вранича и погнали его однажды вечером на разведку.

На юго-восточную часть Узбекистана уже надвинулась ночь, никто, кроме обладателя уникального зрения, не разглядел бы ни зги. Воспользовавшись этим, он улизнул из лагеря, взяв с собою револьвер с полным барабаном. Его исчезновение, как он и надеялся, прошло незамеченным. У лениво горевшего костра дремал часовой Павлуха, на отдалении посапывал Мансур – он всегда ложился спать под открытым небом, не признавал ни тентов, ни тем более крыш. Сивуха дрых в палатке, а серб с приват-доцентом затеяли диспут в крепости, обсуждая обнаруженный на кирпичах оттиск миртовой ветки.

Умение видеть без света отнюдь не исключало возможность заблудиться. Понимая, что идти придется почти на-

угад, Вадим взял компас, чтобы, по крайней мере, найти потом обратное направление. По счастью, пустыня на северо-западе, куда он двинулся, оказалась не такой уж голой – тут и там встречались какие-никакие вешки: саксаул-переросток, скелет джейрана, обглоданный падальщиками, невесть откуда занесенный камень. Вадим шел от вешки к вешке, стараясь не отклоняться от прямой.

Иstek приблизительно час или час с четвертью, как вдруг впереди показалась ложбина, а в ней что-то белеющее. Озеро? Вадим не поверил глазам, прибавил ходу, сбежал вниз и с разгону влетел в нагретую дневным жаром воду. Она дошла ему до колен, он, не зная глубин водоема, остановился, зачерпнул ее пригоршней и плеснул в лицо.

– Тьфу!

Губы и глаза защипало, едкая жидкость проникла в рот, Вадим стал яростно отплеиваться. Вода в озерке оказалась до невозможности солонющей. Присмотревшись, он увидел, что дно выемки, имевшей в поперечнике не более ста метров, покрыто сверкающим панцирем. Это были отложения соли. Вадим не удивился, он, заходя в библиотеку Самарканда, брал книги, описывающие узбекскую природу, и извлек оттуда немало сведений – в частности, о том, что даже в сердце Кызылкума попадаются иногда такие вот соленые заводи. Обыкновенно в засушливое время года они пересыхают, но озеро, в котором он стоял сейчас, видимо, имело достаточный подземный приток, и вода не успевала испарять-

ся. К сожалению, для использования она не годилась.

Протерев глаза и вдоволь наплевавшись, Вадим вновь наклонился к зеркалу, что расположилось у него под ногами. В толще воды сновала мелкая живность – какие-то рачки величиной не больше сантиметра. Как они умудряются жить в таком крепком рассоле?

Вадим посмотрел на свои руки, моментально обсохшие в тепле, которое еще излучала нагретая за день пустыня. Кожа покрылась белым налетом и саднила.

Разочарованный, он вышел из озерца. Намокшие штаны облепляли голени, в сапогах, набравших через край, гнусно хлюпало. Он сел и стащил обувь, размотал волглые портянки. Внезапно взгляд его притянулся к озерной кромке. Там, на сыром песке, четко отпечатались следы человеческих ног. Да много! Они опоясывали озеро по всему его периметру. Вадим сравнил себя с Робинзоном, увидевшим следы дикарей на берегу безлюдного острова. Разница заключалась в том, что дикари ходили босиком, а ступни, оставившие от-тиски возле соленого озера, были облачены во что-то странное.

Вадим пригляделся. То не были ни сапоги, ни ботинки. Ребристая, а местами и шипованная подошва с клеймом «Американской резиновой компании». В памяти всплыло словечко «сникеры», от английского «sneak» – «красться». Так эту обувь с подметкой из резины и тканевым верхом про-звали за то, что в ней человек мог передвигаться почти без-

звучно. Она поступила в продажу лет десять назад под торговой маркой «Кедс» и быстро завоевала популярность.

Следы имели разные размеры. Согласно прикидкам Вадима, по окружности озера разгуливало семь или восемь человек, не меньше. И все в сникерах. Кто они, и к чему им конспирация? Вдобавок напрягало то обстоятельство, что отпечатки были свежими – они появились не раньше сегодняшнего утра. Из чего проистекало, что в непосредственной близости от экспедиционной стоянки обретаются личности, экипированные недавними интервентами и неведь что замышляющие.

Вадим обогнул озеро, стараясь вычислить, откуда пришли эти субъекты и куда удалились. К его огорчению, по мере отдаления от воды, песок становился сухим и следы теряли четкость вплоть до полного исчезновения. Никаких других признаков своего пребывания личности не оставили.

Поблуждав часа два, Вадим вернулся в лагерь. Можно было бы сказать, что пришел он не солоно хлебавши, но это не соответствовало бы истине. Нахлебался как раз вдосталь, от избытка соли все еще першило в горле. Но это было терпимо. Гораздо сильнее донимала тревога, в голове роились бесчисленные предположения, одно нелепее другого.

Добравшись до бивуака, Вадим тихонько подошел к дремавшему Павлухе и отвесил ему, не обинуясь, пинок под зад. Павлуха выпустил винтовку, пристроенную возле ляжки, и кувырнулся вперед. Нежданно пробудившись, подскочил и

заморгал сонными зенками. Зашипел:

– Ты чего?..

– Того, – отмолвил Вадим. – Отрядили в караул, будь добр, не спи. А то р-рассвистелся тут во все завертки, в Ташкенте слышно.

Павлуха оскорбился. Он и так наслушался в свой адрес нареканий как от командира Мокрого в кишлаке, так уже и в экспедиции от Вранича, пенявшего ему на лень и нерадивость. Сносить попреки от никчемного репортеришки он не намеревался. Засучил рукава гимнастерки и заворочал перед собой кулаками.

Вадим усмехнулся. Деревенщина! Такого одолеть, что у ребенка конфету отобрать.

– Угомонись! Я спать пошел.

– Струсил? – Павлуха попер на него, как бычок на матадора. – Да я тебе... сопатку расквашу!

Что ты будешь делать! Вадим подсел под грубияна, перехватил его за предплечье и без натуги кинул через бедро. Павлуха пропахал носом песок, но не унялся, подпрыгнул кверху. Взыл, размазывая кровавую юшку:

– Подлюка! Да я...

Вадим пошвырял его еще чуток – без остервенения, больше для острастки, чтоб знал, с кем лучше не связываться.

Из палатки высунулся обеспокоенный Вранич. Они с приват-доцентом уже закончили ожесточенные дебаты и улеглись на боковую, но шум у костра разбудил серба.

– Что было? Зашто бука?

– Ничего, – невинно развел руками Вадим. – Даю молодому поколению уроки. Он сам попросил.

Павлуха сидел на сучьях приготовленного к сожжению саксаула и тряс запыленной шевелюрой. Научник испытующе вперился в него.

– Е ли то истина?

«Сейчас наябедничает», – подумал Вадим, глядя на потрепанного парня. Но нет – Павлуха вытер выступившие слезинки, поднялся и, как на плацу, отрапортовал:

– Так точно, товарищу... то есть пане начальник. Тренируемся, значит.

Серб ворчливо указал им на то, что физическими упражнениями надо заниматься в другое время суток, и скрылся в палатке. Павлуха по-собачьи встряхнулся, его окутал желтый нимб.

– Спасибо, ...что не сдал, – поблагодарил Вадим.

– Нема за шо... – Павлуха не без робости подошел к нему. – Где так наострился?

– В спортобществе, – соврал Вадим. – Научить?

– Ага...

– Договорились. Завтра вечером, когда жара спадет, попрактикуемся.

О вылазке к озеру и найденных там следах он умолчал. Не хотел наэлектризовывать и без того неидеальную атмосферу в лагере. А если и расскажешь – что это изменит? Все и так осведомлены, что поблизости рыщут басмачи, которые могут напасть в любую минуту. От своих археологических планов Вранич не откажется, да и Хрущ ему не даст. Они оба, как заведенные, копошились в песчаных грудах, отвоеывая пядь за пядью и продвигаясь в глубь крепости. Остальными они помыкали почище, чем помещики крепостными в треклятые времена.

– Обережно! – покрикивал научник, когда, по его мнению, чернорабочие, в число коих входил и Вадим, чересчур неосмотрительно орудовали лопатами и могли что-нибудь повредить.

– Да шевелитесь же, твари! – рычал одновременно с ним приват-доцент. – Канителитесь, как мухи полудохлые!

Иногда они усматривали в сыпких залежах какую-нибудь вещицу, хищно бросались к ней и, разогнав копателей, просеивали шероховатые крупинки через мелкое решето. Однако до сих пор ничего из ряда вон выходящего им не подвернулось. Аркадий Христофорович, обладая экспрессивным норовом, стал терять терпение.

– Уже неделю роюсь, как жуки в навозе – и что? Хоть бы

хны...

Круглый зальчик, назначение которого так и не было установлено, мало-помалу очищался от песка. Открылись проходы в другие помещения. Хрущ-Ладожский настаивал на том, что надо углубляться в них, поскольку, как он выражался, «в предбаннике больше делать нечего». Но Вранич встал на дыбы и на корявой смеси русского с сербским доказывал, что крестиком на карте отмечен именно этот зальчик и разрывать всю крепость не имеет смысла. С точки зрения Вадима, он был прав. На это уйдет бездна времени, а от ежедневного каторжного вкалывания и так уже ломило все суставы.

Хрущ уперся рогами, как баран.

– Х-ха! Разуйте буркалы – в этой каморке нет ни шиша. Что – будете стены простукивать и по кирпичику их разбирать? На здоровье! Я такой чепухой заниматься не собираюсь...

С этого дня в отряде обозначился откровенный раскол: приват-доцент демонстративно отказался повиноваться сербу и принялся работать в одиночку. Он бы сманил себе в помощь еще кого-нибудь, но Мансур с Вадимом на уговоры не поддались, а красноармейцы получили от Мокрого приказ подчиняться только Враничу, уламывать их было бесполезно.

– Твари! – выругался Аркадий Христофорович. – Ну и вошкайтесь на месте, если вам угодно. Дурачье!

И он с надсадным хрипом вклинил лопату в заваленный

песком дверной проем.

Что за хам! Вадим никогда бы не поверил, что этот невежа преподает в университете. Специально подобрал научника, чтобы тот на правах руководителя экспедиции потребовал у приват-доцента документы. Серб счел требование разумным. Хрущ повыкаблучивался, но все ж предъявил удостоверение личности – серую книжицу с шестью стандартными страницами. Фамилия-имя-отчество, год рождения, прописка в Москве – все соответствовало. Из книжицы Вадим также узнал, что гражданин Хрущ-Ладожский не женат и призыву на военную службу не подлежит.

– А где фотокарточка?

Аркадий Христофорович пренебрежительно фыркнул:

– А зачем? По закону имею право не клеивать.

Не придерешься. К удостоверению он присовокупил бланк с университетской печатью, заверявший, что предъявитель сего А. Х. Хрущ-Ладожский состоит в профессорском ранге.

Волей-неволей пришлось отступить. Тем не менее, сомнения не покидали Вадима, и он чувствовал себя неуютно в присутствии сварливого приват-доцента. И не только он. Хрущ вносил дисгармонию везде, куда совался. То его не устраивала стряпня, за которую отвечал Сивуха (меню, признаться, было однообразным: кулеш из сала и тюря из сухарей, но какие разносолы в пустыне?), то он обвинял Вранича в археологической безграмотности, то без повода напус-

кался на смиренного Мансура, подозревая, что тот втихую присваивает найденные в крепости предметы старины... В общем, никому не давал покоя. Вадим кулуарно подбросил сербу мысль выдворить несносного буяна из расположения лагеря, однако научник воспротивился и мнение свое обосновал так:

– Сей типус обладает могучностью. Он даст нам пользу.

– Но он делает совсем не то, что нам нужно!

– Пусть делает, како желает. Его препоставка... односно версия... заслужуе проверку.

Это означало, что серб не был уверен в своей правоте на все сто процентов и предоставлял строптивцу Хрущу шанс проверить альтернативную теорию. А ну как и впрямь, продвигаясь внутри крепости, словно гусеница в мякоти яблока, он натолкнется на то, о чем говорилось в приписке к карте? Все почему-то пребывали в убежденности, что это открытие нельзя будет спутать ни с каким другим. Сразу станет ясно: его и имел в виду безымянный араб, сделавший надпись.

Но дни шли, а фортуна не баловала ни Вранича, ни его оппонента. Бурдюки с питьевой водой истощались, заканчивалась и провизия. Сивуха напомнил об этом научнику, оторвав его от важнейшего занятия – обмахивания кисточкой настенного барельефа с изображением чаши и вырывавшихся из нее огненных протуберанцев. Серб осерчал, он жуть как не любил, когда его отвлекали по мелочам.

Вадим встал на защиту Сивухи, сказал, что это отнюдь не

мелочи. Продовольственных резервов у экспедиции хватит дня на три, а воды и того менее. Надо пополнять.

Научник остыл, признал доводы не лишенными здравомыслия и показал кисточкой на Сивуху.

– Добро. Онда пусть он и привезет.

Сивухе поручение понравилось. Да, он побаивался ехать в одиночку через пустыню, но коли взглянуть с иного боку, то всего несколько часов, и он будет в кишлаке, где его ждет нормальная пища и, главное, вода. Можно напиться от пуща и смыть с себя грязюку, которая, смешавшись с потом и застыв, облипила тело, точно короста. А там, глядишь, и товарищ командир Мокрый разжалобится и пошлет на замену кого-нибудь другого. Каких только чудес не бывает!

Снарядился шустро: загнал в мосинку пять патронов, еще двадцать рассовал по карманам, к ремню прицепил флягу с водой, оседлал лошадку – и адью! Вранич, напутствуя, всучил ему записку для Мокрого – с перечнем всего, в чем нуждалась экспедиция. Значился там, между прочим, и динамит. Серб не исключал, что шпильки Хруща относительно простукивания не лишены оснований и понадобится рвать стены в поисках тайника.

Вадим, воспользовавшись оказией, передал посыльному скатанные трубочкой блокнотные листочки с заметками о первом этапе изысканий. Попросил с караванщиками или с кем-нибудь еще переслать их в Самарканд и вручить Бабскеру. Пусть знает, что не бездействует спецкор, исполняет пря-

мые обязанности.

Сивуха, выпорхнув, как птица, на волю, пришпорил свою пегую, чтоб летела на всю железку. Но, хоть и выехал затемно, по холодку, день очень скоро вступил в свои права, накалил пустыню, и лошадь версте на пятнадцатой начала выдыхаться. Сивуха образумился, сбавил темп, позволил ей рысать, как вздумается. Тише едешь – дальше будешь.

Одолев половину расстояния, повеселел. Если поначалу озирался по сторонам, ожидая, что из-за барханов стаей выметнутся басмачи, то по мере приближения к Алтынкану бдительность притуплялась. Никто ниоткуда не выскакивал, не нападал, под лошадиными копытами разворачивалось волнистое полотнище, и ничто не нарушало его однотонности.

Так Сивуха сам себя убаюкал и всем существом потонул в мечтаниях о близком завтраке и вожделенном омоении. Отрешенность сыграла с ним подлую шутку. Лошадь неожиданно споткнулась, ее передние ноги подсклись, и Сивуха полетел через холку. Распластавшись, как лягушка, шлепнулся на песок, и тотчас его накрыла рухнувшая вослед пегая. Упала аккурат на хозяйское колено, оно хрупнуло, Сивуха взвизгнул от боли и, загребая руками песок, выполз из-под бывшейся лошади. В отличие от него, она пострадала не шибок, но и встать не могла, спутанная арканом.

До Сивухи дошло: кто-то хитро разложил на песке петлю, и лошадь угодила в нее, как пичуга в силос. Солнце враз перестало греть, по спине курьера заструились ледяные ручей-

ки. Винтовка слетела с плеча, он потянулся к ней, но в следующее мгновение еще одна веревка накрепко обвила ему шею. У Сивухи не достало ни сил, ни времени, чтобы обернуться и посмотреть, кто был этот ловкий метатель. Пальцы вкогтились в перекрученные конопляные сухожилия, но разорвать их не сумел бы даже атлет Поддубный. Сивуха засучил ногами, скорчился в конвульсиях и широко раззявил рот, куда мигом набился песок. Уста онемели, мышцы сделались дряблыми, а петля все стягивалась и стягивалась, покуда дух на веки вечные не покинул злополучного удавленника.

* * *

В лагере все шло своим чередом. Вадим с трудягой Мансуром завершали расчистку зальчика в крепости, Павлуха стоял, а правильнее сказать, сидел снаружи на часах, Вранич изучал открывшиеся на потолке изразцы, а Хрущ-Ладожский ворочался, как крот, в боковом проходе, выбрасывая оттуда пуды желтушной пыли. Вадим не удержался, сделал ему замечание:

– Аркадий Христофорович... пчхи!.. мы тут корячимся, как дворники на Таганке, а вы нам р-работы прибавляете. Потрудитесь сами за собой убирать!

Получил отлуп в стиле быдловатых обитателей московских закоулков:

– Х-ха! Да пошел ты... Тварь! Учить меня будешь!

Как быть с этим нахалом? По совести звездануть бы в рожу, чтобы у него в ушах зазвенело, а перед зыркалками разноцветные круги поплыли. Но неловко – все-таки профессор, лекции в МГУ читает... Да и Вранич не одобрит – и так слишком много свар между участниками экспедиции. Никак они не достигнут единения во имя поставленной цели.

Хрущ, продолжая лаяться, как несносная псина, заработал с удвоенной скоростью. Шлеп! шлеп! – лопату за лопатой выбрасывал песок из прохода в зальчик. Откуда в нем столько злонравия? И где же Вадим мог его видеть раньше?

– Аркадий Христофорович, мы с вами в Москве не встречались?

– Нет! – отрезал тот, не прекращая свою зловредную деятельность. – Я бы запомнил. У моей памяти преотвратное свойство: лица, не обезображенные интеллектом, западают в нее навсегда... Твоя вывеска мне не попадалась.

Вадим оперся на лопату и предался думам о мести, как вдруг из-за пределов крепости донесся заполошный вопль Павлухи:

– А-а! Нечистые!

Вадим и Вранич пробкою вылетели из ворот. Павлуха, бросив винтовку, на карачках отползал от погашенного утром костра, но смотрел при этом назад, вывернув голову через левое плечо.

– Какой нечистый? – рыкнул на него научник. – Зашто

вопиешь?

Вадим не сказал ничего. Он проследил за взглядом Павлухи и оцепенел. По пустыне перемещались исполинские, в три или четыре роста, фигуры в накидках, похожих, как и говорил Павлуха раньше, на погребальные саваны. Фигуры были покрыты этими накидками почти полностью – от макушек до стоп. Кроме того, на их головы были надеты... нет, не ведра, а подобия плетеных корзин, упиравшихся кромками в ключицы. В руках химеры держали жерди аршина в три длиной, которые снизу загибались крюками.

Но впечатляли не одежда и не оснащение фантомов, а их небывалая, по человеческим меркам, величина, и еще то, что они казались бесплотными – бежали, едва касаясь поверхности, и как бы расплывались в воздухе. При всем ошеломлении, вызванном страшилищами, Вадим подметил, что ноги, видневшиеся из-под саванов, обуты в тряпичные боты на резиновой платформе – те самые сликеры, чьи отпечатки он видел на берегу соленого озера. Сей факт означал, что страшилища не были бесплотными и умели принимать нормальные размеры, ибо те их следы никак не относились к разряду циклопических.

Павлуха на четвереньках засеменил к крепости – не нашел более надежного укрытия. Оттуда вышел Мансур и загородил собою проем. При виде размытых чудищ он не испытал ни изумления, ни шока. По крайней мере, его продубленное ветрами и солнцем обличье сохранило привычное сдержан-

ное выражение.

– Пусти! – взмолился Павлуха и по-телячьи боднул его в пресс.

– Акмак! – Мансур угостил его сочным щелбаном. – Бул закым!

– Что он сказал? – спросил Вадим у Вранича, не отрываясь от лицецерения колыхавшихся титанов. – Я не понял.

– Он рек на киргизском йезике, – промолвил научник. – Цето е мираж.

Серб тоже являл собой нерушимое спокойствие, только в зрачках его искрились светлячки любопытства, как у исследователя, наблюдающего редкое явление. Для Вадима его разъяснение не стало откровением, он уже и сам догадался, что перед ними оптическая иллюзия, хотя прежде миражей не видел ни разу. Просто вспомнил непреложный постулат Александра Васильевича: столкнулся со сверхъестественным – ищи материальную причину. В девяноста девяти случаях из ста она найдется.

– Лепо! – говорил научник, любуясь фигурами, которые, все более растворяясь в небе, сплетались в диковинный калейдоскоп. – То не одноставный мираж, а фата-моргана. Она является у присутствии колико слоев воздуха с зеркальными свойствами. Тако мы смотримо сильное изобличение... искажение предметов.

Павлуха, поднятый Мансуром за шиворот и поставленный на ноги, все еще вел себя как постыдный суевер.

– Это они! Нечисть, шо мы с Сивухой в низинке зустріли...

– Ты не говорил, что они такие дылды, – напомнил ему Вадим.

– Они и не были... А тут – ишь, вымахали! Как есть чертово отродье!

Вадиму пришло на память когда-то читанное о миражах. Как правило, они отражают то, что находится на расстоянии от наблюдателя, перевирая иногда габариты и форму. Отсюда логично будет заключить, что где-то вправду бегут люди, обутые в американские «Keds», вооруженные кривыми жердинами и с корзинами поверх мертвецких саванов. Из психбольницы сбежали, или абсурдистскую пьесу репетируют? А может, сектанты? Вадим перед приездом в Самарканд гостил в Предуралье и свел там знакомство с приверженцами одного нелепого культа – те на себя гайки вешали и поклонялись ржавой машине. Идиотов везде в достатке...

«Чертово отродье» проигнорировало зрительскую аудиторию, о чьем существовании, пожалуй что, и не знало, и вконец расплзлось по небу, а потом растаяло в синеве.

– Край предствавы, – резюмировал серб. – Айдемо трудиться.

Он был занят археологическими хлопотами и не желал отвлекаться так же, как и Хрущ-Ладожский, который даже не выглянул из крепости, чтобы посмотреть на миражи. Оба одержимых ученых, отрешившись от реального мира, пре-

небрегали мерами безопасности. Павлуха жил по принципу «чего изволите», Мансур надеялся на провидение и был невозмутим, как скала. Вот и получалось, что, кроме Вадима, некому было озаботиться обороной лагеря. Часовой у костра – разве это защитник? Да еще такой безответственный, как Павлуха...

В тот день смена длилась по заведенному графику – до темноты. Когда Вранич скомандовал «шабаш» (словечко, перенятое им в России и весьма ему приглянувшееся), Павлуха позвал всех вечерять. В отсутствие Сивухи он исполнял обязанности кухаря. Не усердствовал, паршивец: вскипятил в котелке водичку, разлил по кружкам, раздал каждому по галете и по куску свиного шпика – радуйтесь!

Хрущ на ужин не пошел – оснастившись шахтерской лампой, колготился в своей норе и посылал подальше всех, кто его отвлекал. Мансур выпил зеленого чаю с размоченной галетой, от шпика отказался. То ли вера не позволяла, то ли голод его не донимал, как нередко бывает в знойных странах. Вадим тоже ел мало, для задуманной им операции сытый желудок стал бы помехой. Отдали должное калорийному продукту только сам повар и серб. После трапезы они забрались в палатку и быстро уснули. Вадим, оставшийся у костра дежурным, слышал их размеренное дыхание.

Выждав немного, он встал и подошел к бархану, скрывавшему крепость Янги-Таш. Заглянул в одну из прокопанных дыр. Приват-доцент еще не спал, шерудил лопатой. Не беда,

он не помешает.

Вадим заставил подняться самого высокого верблюда, подвел к песчаной сопке и с его спины залез на вершину. Вытянувшись во весь рост, оглядел расширившееся пространство. Ни огней, ни дымов, ни малейшего шевеления окрест.

Но не впустую Барченко нахваливал своего феноменального воспитанника. Где не пригодилось ночное зрение, выручил тончайший слух. Вадим засек голоса – их принес ветерок, потянувший с северо-запада, ровно оттуда, где располагалось давешнее озерцо. Слов не разобрал – далековато. Но то, что говорили человек семь-восемь, это определялось безошибочно.

Ох, как тянуло немедленно пойти туда и одним махом покончить с «нечистыми»! Но как бросить лагерь? Придется кого-то предупредить, это вызовет вопросы, начнут отговаривать... Нет. Лучше отложить до утра. Теперь он знает, что призраки в сникерах – не плод Павлухиной фантазии и что они периодически навешиваются к озеру. А если так, то рано или поздно он их застигнет. И тогда...

Что случится тогда, Вадим додумать не решился. Плавнo скатился с рассыпчатой горы и пошел на свой пост у мерцавшего очага.

Глава III,

вопреки ожиданиям

сдабривающая роман лиризмом

В шесть утра, сгорая от нетерпения, Вадим передал дежурство Мансуру и сделал вид, будто отправляется спать. На самом деле о сне он и не помышлял, его охватило стремление действовать, тело словно бы пронизывал электрический ток. В палатке, где храпели Вранич и Павлуха, он задержался буквально на минуту – пополнил запас патронов, взял на всякий пожарный еще один револьвер и, приподняв полотно, выполз с противоположной от входа стороны, чтобы не заметил Мансур, который медитировал у тлевших углей.

Дорога к озеру уже была ему известна, но он и на этот раз предпочел идти по компасу, так как заплутать в пустыне – пара пустяков. Шел, поглядывал на подрагивавшую стрелку и прислушивался. Мир, просыпаясь, наполнялся звуками: чирикали птицы, скребли брюшками по песку ящерицы, где-то вдалеке дробно постукивали копытца. Но все лишнее Вадим автоматически отсеивал. Он уподобился стрелке радиоприемника, перемещающейся по шкале настройки в поисках нужной станции. Шумы и потрескивания эфира она проходит, не задерживаясь, но если вдруг из бессодержательно-звукового облака вынырнет обрывок человеческой речи,

мгновенно замирает. Так и Вадим, сосредоточившись на акустическом восприятии, пытался поймать слышанные вчера голоса.

Повезло – поймал. Они просочились сквозь наливавшийся зноем воздух откуда-то из-за песчаной сопки, высившейся впереди. Вадим спрятал в карман компас, в котором пока не было необходимости, вытащил заряженный «Коломбо-Риччи» и тихо скользнул к подножию увала. Сделал глубокий вдох, шагнул вбок, выглянул из-за отлогого склона и – увидел «нечистых».

Да-да, то были именно они, причем живую, а не в виде громадных акварельных клякс над горизонтом. Сникеры, саваны, плетеные колпаки на головах – все атрибуты в наличии. «Нечистые» сновали по небольшой равнине, вымощенной спекшейся под солнцем и растрескавшейся глиняной корой. Они махали направо и налево изогнутыми палками, сталкивались, падали, тут же поднимались и визжали на высоких дискантных нотах. От их движений вздымалась пыль и закручивалась в спирали, образуя маленькие смерчи, которые мешали Вадиму определить, чем же конкретно заняты эти невиданные создания. Он отметил, что в большинстве своем они совсем не великанского роста – скорее, даже ниже среднего.

Процесс, представший перед ним, напоминал игру. Ни намека на агрессию или что-либо подобное. Если то был религиозный обряд, то чрезмерно задорный и лишенный какой

бы то ни было зловещей мистичности. Еще меньше эти скорморохи – а в том, что они не исчадия ада, а обычные люди, Вадим не сомневался – походили на бандитов. Ну не могла басмаческая орда так беспечно забавляться, ничего не замечая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.